

Опубликовано: Социальная история. Ежегодник, 2007 / Редкол.: И.Ю.Новиченко, А.К.Соколов, К.М.Андерсон (отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 176-196.

© Т.Я.Валетов, 2008
© РОССПЭН, 2008

{176}

Т.Я.Валетов (Московский Государственный Университет)

Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в.¹

Экономической и социальной истории российских городов периода первой, дореволюционной индустриализации посвящено довольно много исследований. В этот период серьезно изменилась социальная структура общества, а особенности развития страны привели в итоге к невиданным социально-политическим потрясениям. Как и во многих других странах во время индустриализации, в России тогда причудливым образом сочетались резкая модернизация производства и катастрофическая отсталость в условиях труда и быта людей самых различных профессий, в том числе и фабрично-заводских рабочих. Однако если повседневная жизнь промышленных рабочих являлась объектом пристального внимания историков, то мы по-прежнему плохо представляем себе, как жила и как сводила концы с концами армия прочего трудового населения наших городов, а ведь промышленные рабочие далеко еще не составляли большинства в городах (что, например, показывает таблица о структуре занятий жителей Петербурга, помещенная в приложении). Дополнительно стоит отметить, что и быт рабочих чаще всего рассматривался довольно тенденциозно, и исследователи, как правило, оставляли без внимания различные негативные, «непролетарские» стороны пролетарского быта, такие, например, как кражи с фабрик или имевшее место ростовщичество в рабочей среде.

Во многом наше неведение относительно положения прислуги, мелких ремесленников и торговцев, многочисленных приказчиков, извозчиков, дворников, половых, рассыльных, чернорабочих и прочих обусловлено недостатком источников. Современники редко задавались подобными вопросами, и уж по крайней мере предпочитали уделять внимание положению рабочих, видимо, как наиболее организованных и перспективных в плане «пробивания» социальных перемен, а в государстве победившего пролетариата, разумеется, история самого пролетариата и

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Международного Института социальной истории «Труд, доход и государство в России и Советском Союзе, 1900-2000». Проект профинансирован на частные средства друзей и единомышленников Международного Института социальной истории.

оказалась приоритетной, и очень скоро работы по общей истории труда совершенно потерялись в воспоминаниях о крупных стачках и революции 1905 года. Поэтому в нашем распоряжении фактически нет добротной статистики по рассматриваемой теме. Достаточно сказать, что практически все дореволюционные бюджетные обследования касаются лишь крестьян и рабочих; только в одном из них – обследовании киевских рабочих – рассмотрено довольно много ремесленников-кустарей, {177} но данный факт обычно относят на долю некачественно разработанной методики отбора респондентов².

Таким образом, чтобы воссоздать картины жизни рабочего населения наших дореволюционных городов и приблизиться к пониманию той социальной атмосферы, приходится опираться на крайне разбросанные, не всегда надежные и, за редкими исключениями, нерепрезентативные данные, которые тем не менее представляется возможным сложить в единую мозаику.

Всестороннее изучение обозначенной темы требует проведения множества исследований. В данной работе мы лишь постараемся проследить экономическое поведение городских жителей, рассмотреть возможные в тех условиях экономические стратегии работников и ответить на вопрос о том, чем определялся и чем ограничивался выбор ими видов приносящей доход деятельности.

Очевидно, что в рассматриваемое время государство в значительно меньшей степени осуществляло прямое вмешательство в вопросы выбора работниками способов получения дохода, чем в предшествующий (крепостной) и последующий (советский) периоды. Работник сам мог выбирать между наймом или кустарной деятельностью, работой в огороде или сдачей квартиры жильцам, так что для городских жителей существовало в принципе большое количество вполне легальных способов увеличить свой доход или вообще прожить. Но вместе с тем реальные возможности большинства работников были резко ограничены другими весьма важными факторами. В частности, можно говорить о практически полном отсутствии социальной политики и трудового законодательства (в особенности это касается работавших не на заводах и фабриках). Также важно, что рынок рабочей силы в это время характеризовался недостатком квалифицированных рабочих кадров при одновременном избыточном предложении неквалифицированной рабочей силы. Большинство работников, в особенности вчерашние крестьяне, не обладали ценными для работодателей умениями, так что им еще нужно было бороться за свое рабочее место и всячески держаться даже за низкооплачиваемую и не оставляющую возможностей для изыскания дополнительных заработков работу. В этих условиях для многих работников возможности выбора экономического поведения, – работать ли на одной работе или на нескольких, держать

² См., например: *Овсянников В.* Довоенные бюджеты русских рабочих // Вопросы труда. 1925.

ли подсобное хозяйство или нет, пускать ли излишние деньги в оборот или нет, – были на самом деле сильно ограничены. И все же поведение рабочих отражало в первую очередь их собственный выбор, хотя бы и принимаемый под воздействием различных серьезных обстоятельств. Поэтому для того, чтобы построить модели экономических стратегий работников, нужно сначала определиться с вопросом о приоритетах самих работников. Хотят ли они подрабатывать на сверхурочной работе или работать в огороде, или же они ценят свое свободное время? Применительно к изучаемому периоду исследователи, в том числе и современники, в основном считали, что стремление повысить свой доход характерно для всего рабочего населения. Однако, например, Б.Н.Миронов высказал обратную точку зрения, – что рабочие, в основной массе пришедшие на фабрики из деревни, следовали «потребительскому» или «минималистскому» типу трудовой этики: работать лишь до удовлетворения своих скромных потребностей³. Хотя эта точка зрения весьма интересна и достойна дальнейшего изучения, представляется, что она все же противоречит слишком большому количеству сохранившихся {178} наблюдений и мнений хорошо информированных наблюдателей-современников. Да, этика промышленного труда в России была низкой, и крестьяне-пролетарии имели больше праздничных дней, чем промышленные рабочие в Западной Европе, но, с другой стороны, сложно упрекнуть в праздности рабочих, которые в большинстве своем соглашались работать за очень скромный заработок по 11-12 часов в сутки.

Вопрос о свободном времени напрямую связан с вопросом о бедности населения. На этот счет относительно населения российских городов конца XIX – начала XX в. тоже высказывались различные мнения. Очевидно, что высококвалифицированные рабочие крупных заводов зарабатывали очень приличные деньги, ясно также, что город, куда крестьяне шли за заработком, был богаче деревни; но в целом очевидно также, что огромная масса рабочего люда с трудом сводила концы с концами. В 1905 г. бюджеты рабочих военного ведомства (то есть предприятий, где быт рабочих был защищен законом значительно лучше, чем в целом по империи) были рассмотрены специальной комиссией, которая, в частности, сделала вывод: «Бюджеты спускаются до такого низкого уровня, при котором неизбежно начинается систематическое недоедание и неудовлетворение других насущных потребностей; иногда же стремления рабочих пополнить недостатки в их бюджетах ведут к задолженности или к применению ими способов, не оправдываемых ни законом, ни этикою»⁴. Комиссия

№ 9. С. 54.

³ *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 243-286.

⁴ *Лисовский Н.М.* Рабочие в военном ведомстве. По поводу «Трудов» высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. СПб., 1906. С. 87.

рассчитала минимальный заработок, при котором обеспечивалось бы «здоровое существование» одиноких рабочих: 21 рубль в месяц для мужчин и 17 рублей для женщин⁵. Однако даже с учетом того, что эти расчеты подвергались сильной критике как занижающие реальный прожиточный минимум⁶, тотальное обследование промышленных рабочих Московской губернии 1908 г. показало, что менее 20 рублей в месяц получали 50% мужчин и почти 90% женщин⁷. При этом другое серьезное исследование, в котором рассмотрены условия труда представителей самых разных рабочих профессий в Петербурге, еще считало положение промышленных рабочих предпочтительным во всех отношениях⁸.

Исходя из изложенного, примем, что городские работники в изучаемый период в большинстве своем, во-первых, стремились к увеличению дохода и, во-вторых, готовы были заниматься дополнительными работами, потому что основная работа приносила недостаточно большой доход.

Крестьянин-пролетарий:

влияние миграции из деревни на структуру рабочей силы в городах

В конце XIX – начале XX вв. в России происходил бурный рост промышленности, торговли и вообще городской экономики, а рынок рабочей силы для нее складывался на основе мощного миграционного притока работников из небогатой и при этом вынужденной нести основное бремя государственных повинностей деревни.

{179}

Все города продолжали, как и в прежние времена, выполнять административную функцию, но интенсивное экономическое развитие периода первой русской индустриализации вносило качественные изменения в облик российских городов, и российский город начала XX века, оставаясь по-прежнему средоточием дворянства и чиновничества, в то же время являлся уже и многоликим сообществом работников самых разных профессий, в большинстве своем крестьян по происхождению.

Особенности формирования рынка рабочей силы дореволюционных городов России настолько сильно были обусловлены миграцией работников-крестьян из деревни, что прежде всего следует хотя бы в общих чертах обрисовать именно законы этой иммиграции. Литература по указанной теме достаточно обширна и опирается на широкий круг источников начала XX в., в том числе статистических.

⁵ Там же. С. 95-96.

⁶ См., например: *Кириллова Н.А.* Женщина-работница в крупной промышленности // Труды I-го Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге 10-16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 298.

⁷ *Козьминых-Ланин И.М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. С. 4.

⁸ *Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции.* СПб., 1897. С. 631.

Стремительная индустриализация, одновременно сопровождавшаяся оскудением деревни в центральных областях России, создавала мощный приток рабочей силы в крупные российские города. Так, население Москвы в пятилетие 1907-1912 гг. росло с такой же быстротой, как и население Нью-Йорка, и вдвое быстрее, чем население Вены⁹. Рост шел в основном за счет мигрантов, приезжавших в города в надежде заработков. Так, иммиграция в Москву во все пореформенное время заметно превышала естественный прирост, что иллюстрируется следующей таблицей (показано среднегодичное изменение численности населения Москвы)¹⁰:

	Путем естественного прироста	Путем иммиграции	Отношение второго к первому
1872-1881	1752	13398	7,6
1882-1896	3209	15799	4,9
1897-1901	5271	21945	4,2
1902-1906	8904	25311	2,8
1907-1911 (оценка)	13450	40800	3,0

Городские переписи Петербурга также показывали стремительное увеличение доли лиц крестьянского сословия в городе – в 1881 г. таких было 361 тыс. чел. (41,9%), в 1890 г. – 480 тыс. чел. (50,3%), в 1900 г. – уже 765,5 тыс. чел. (61,3%)¹¹. Еще бóльшую долю составляли родившиеся вне города. В 1897 г. в Москве уроженцев Москвы было лишь 26,2% (21,5% мужчин и 32,6% женщин)¹². По городским переписям, число москвичей, родившихся вне Москвы, составляло 74% в 1882 г., 72% в 1902 г. и 71% в 1912 г.¹³

Для российской деревни численность крестьян, уходивших вместо сельскохозяйственных работ на заработки в город (в промышленный отход) тоже выражалась немалой величиной. Особенно значительным отход на заработки был в губерниях Центрального Промышленного района, где еще и в начале XIX в. многие {180} крестьянские хозяйства жили несельскохозяйственными доходами. Так, в деревнях Калужской, Владимирской, Тверской, Рязанской, Ярославской, Московской и Тульской губерний в 1896 г. паспорта для отхода были выданы 30-40% взрослых мужчин. По некоторым оценкам, в 1890-х гг. ежегодно отхожими промыслами были

⁹ Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Статистический ежегодник Санкт-Петербурга за 1901-1902 гг. СПб., 1905. С. 19.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. XXIV. Город Москва. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. XXVIII.

¹³ Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization in late imperial Russia. Berkeley, L.-A., L., 1985. P. 103.

заняты около 2 млн. крестьян в Центральном Промышленном районе и около 6 млн. – во всей Европейской России, что составляло более трети всех взрослых мужчин¹⁴.

Сама логика Крестьянской реформы и последующей политики государства в отношении деревни была такой, что крестьянам необходимо было для покрытия различных платежей добывать наличные деньги, причем в таком размере, какой почти невозможно было получить с имеющейся у них земли. Поэтому многочисленные работники уходили в город на заработки и своим напряженным трудом «перекачивали» денежные средства из города в деревню, где они в первую очередь шли на уплату налогов. По приблизительному расчету, в 1896 г. отхожие промышленники только Калужской губернии переправили своим хозяйствам для выплаты налогов около 11 млн. рублей¹⁵ – громадную сумму.

Отхожий промысел, особенно в нечерноземных областях, был более выгодным, чем работа «на земле», так что в город за деньгами в массовом порядке уходили лучшие работники. Интересно такое наблюдение о крестьянах ярославской губернии начала XX в.: «Народ бежит весь на промысел; уходит почти все мужское население, для деревни, для земли остается только «питерская браковка», т.е. те, которые не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к работнику в столице» (пьяницы, старики и прочие)¹⁶.

Характерным признаком рынка рабочей силы в городах было в это время сильное влияние земляческих связей между пришедшими из деревни работниками. Земляческий принцип во многом определял условия работы и проживания даже на крупных фабриках и заводах, где его влияние должно бы было быть минимальным, потому что, на первый взгляд, не было функциональным, так как каждый рабочий имел дело с конторой индивидуально.

Особой и весьма распространенной в дореволюционной России формой земляческого существования крестьян-отходников являлась артель. Городские работники объединялись для самых различных работ; особенно часто встречалась такая категория городских артелей, как артели строительных рабочих, однако артельно делались очень многие работы. Некоторые исследователи-современники говорили даже о биржевых, в том числе ссудосберегательных артелях, требующих от своих членов вложения значительных капиталов¹⁷, однако все же более распространенное понимание артели – это рабочие, вместе производящие какую-то работу. Такие рабочие обычно

¹⁴ *Burds J. Peasant Dreams & Market Politics. Labor Migration and the Russian Village, 1861-1905. Pittsburgh, 1998. P. 21-27.*

¹⁵ *Пешехонов А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимном отношении. СПб., 1905. С. 22.*

¹⁶ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 19. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (по данным о паспортах за 1896-1902 гг.). Ярославль, 1907. С. 21.

вместе жили на общей квартире (иногда на месте работы), совместно питались, нанимая кухарку или выбирая повара из своего числа (среди худших работников), вместе работали, и только выбранный из их среды подрядчик тратил время на договоры с работодателями¹⁸.

{181}

Структура доходов фабрично-заводских рабочих

Переходя к вопросу о стратегиях дохода, рассмотрим сначала хозяйство фабрично-заводских рабочих, как наиболее изученную и, возможно, наиболее простую тему.

Хотя мы имеем не так уж много статистических обследований с достаточным количеством опрошенных, для дальнейшего рассуждения весьма важно то, что все исследователи отмечали высокую однородность имеющихся в их распоряжении данных.

Скажем, в достаточно детальном и полезном исследовании М.Давидовича обработан лишь 41 бюджет, в обоснование же репрезентативности данных приводится следующая фраза: «Если этот небольшой материал дает много ценного для характеристики хозяйственного быта текстильных и с ними вообще рабочих Петербурга, так это прежде всего потому, что жизнь текстильного рабочего, особенно артельная жизнь одинокого рабочего, поразительно однообразна на всем протяжении Петербурга и его пригородов – и потому для своей характеристики и не требует большого материала»¹⁹. На основании обработки массовых данных это мнение подтвердил в своем классическом исследовании фабричного быта Е.М.Дементьев: «Условия работы или, выражаясь точнее, установившиеся обычаи ведения ее, настолько однообразны и почти тождественны, что выясненное для немногих без всякого риска ошибки может быть принято как тип для всех подобных»²⁰.

Возможности альтернативных заработков фабрично-заводских рабочих были крайне ограничены вследствие слишком большой продолжительности рабочего дня. Этот вопрос всесторонне разобран в монографии Ю.И.Кириянова о положении рабочих²¹. Основные выводы автора таковы – в российской фабрично-заводской промышленности чистое рабочее время в 1880-1890-х гг. составляло 12-13 часов, а с перерывами на принятие пищи и отдых и с временем, затрачиваемым на дорогу – 14-16 часов (с совершенно поразительными примерами, вроде работы по две смены из четырех за сутки, то есть по 6 часов чистой работы через 6 часов отдыха, включающих

¹⁷ См.: *Исаев А.А.* Артели в России. Ярославль, 1881.

¹⁸ *В.В. [Воронцов В.П.]* Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 160, 178. О классификации артелей см. также: *Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции...* С. 314, 463.

¹⁹ *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. (Отгиск из «Записок И.Р.Т.О.», январь-март 1912 г.) СПб., 1912. С. 1.

²⁰ *Дементьев Е.М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 59.

дорогу с фабрики и на фабрику²²). После закона 2 июня 1897 г. об ограничении времени работы и особенно после революции 1905 г. рабочее время сократилось и стало составлять 10-11 часов чистого времени.

Затянутый рабочий день практически не позволял рабочему заниматься какой-либо дополнительной деятельностью, приносящей доход. Стратегии мастерового по увеличению своего дохода были, как правило, связаны с его же фабричной работой. Так, рабочие максимально много работали при сдельной оплате и охотно шли на сверхурочные работы. В принципе, ограничивший рабочее время закон 1897 г. взял под особое внимание и сверхурочные работы. Но фабричная инспекция, на которую был возложен контроль за выполнением закона, просто {182} физически не могла проследить за всеми фабриками, а рабочие, хотя бы и протестуя против излишней эксплуатации, не отказывались от работ, приносящих дополнительные деньги, пусть даже и в дополнительное, пусть даже и в противозаконное время. К тому же фабричное начальство легко могло обойти закон, формально не принуждая рабочих к сверхурочным работам. В «Записках рабочего», опубликованных от имени рабочего-металлиста, как рядовая описывается ситуация на машиностроительном заводе (в Петербурге), когда мастер задавал рабочему срочное задание, которое тот в принципе не мог сделать за нормированное время, и рабочему приходилось оставаться после окончания урочного дня еще на некоторое время и отдельно договариваться с мастером о повышении оплаты. «Быть может, меня спросят, – писал автор, – к чему вся эта процедура с мастером? Ведь за эти 1,5 – 2 часа должны заплатить как за сверхурочные работы. Да вот в том-то и дело, что не должны. За сверхурочное время платят только на поденных работах, а штучникам никакой платы не полагается»²³.

Кроме сверхурочных, на каких-то из фабрик и заводов рабочие могли рассчитывать на премии по результатам хорошей работы, старались минимизировать штрафы, наконец, по возможности воровали материалы, инструменты и готовую продукцию с фабрик²⁴. Есть некоторые свидетельства, что мастеровые брали деньги с новичков за обучение. Например, ткачиха с Прохоровской Трехгорной мануфактуры пишет о начале своей рабочей жизни: «Училась у матери, чтобы не платить другой

²¹ *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 37-88.

²² Там же. С. 85. Здесь речь идет только о Раменской фабрике, но Е.М.Дементьев пишет о подобных случаях как о достаточно распространенных: *Дементьев Е.М.* Фабрика, что она дает населению... С. 75.

²³ *П.Т. [Тимофеев П.]* Заводские будни (Из записок рабочего) // Русское богатство. 1903. №8. С. 50-51.

²⁴ См., например: *Шильникова И.В.* Роль вознаграждения в мотивации труда рабочих-текстильщиков Ярославской Большой мануфактуры в начале XX века // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6. М., 2001. С. 47-48.

ткачихе за ученье 3 рубля»²⁵. Как бы то ни было, все это вместе – от сверхурочных до украденного с фабрики – должно быть обозначено как доход, полученный от основной работы.

Стоит рассмотреть, однако, вопрос о том, насколько помогали рабочим связи с деревней и каков был в бюджете рабочих приход от принадлежавшей им или их семье земли. На первый взгляд представляется весьма возможным, что городской работник воспринимал свое деревенское хозяйство как источник получения дополнительного дохода в натуральной форме (такую роль, например, играло на протяжении всего XX в. подсобное хозяйство горожан – непосредственно при доме или на даче). Выше было показано, насколько высок был крестьянский состав городского населения, так что естественно, что вопрос о связи с землей поднимался в большинстве исследований быта несельскохозяйственных работников современниками. Обследования показывали, что непосредственно на работу летом в поле, на своей земле, уходило не такое уж большое количество работников. Так, из 14,5 тыс. рабочих фабрик Московской губернии в возрасте от 18 лет в 1884-1885 гг. уходили на полевые работы лишь 14,1%, причем среди мастеровых – квалифицированных рабочих – этот процент был совсем небольшим (3,8%)²⁶. Позднее, в 1897 г., из 51 тыс. рабочих фабрик Владимирской губернии в возрасте 17-40 лет уходило на полевые работы еще меньшее число – 12,6%²⁷. Отметим, что и в том, и в другом обследовании основная часть наблюдаемых фабрик находилась в сельской местности, {183} значит, можно предполагать, что процент уходящих на полевые работы городского населения должен был быть еще меньшим. Обследование питерских рабочих, проведенное в 1900-1902 гг. и затронувшее более 25 тысяч человек, показало, что полевыми работами занимались лишь 7,5% рабочих металлургических предприятий (при том, что 59% имели надел в деревне), 7,3% рабочих химической отрасли (40% имели надел), 6,3% текстильщиков (66% имели надел)²⁸. Московские рабочие были теснее связаны с землей, но общая картина остается той же. Из 1213 опрошенных в 1899 г. рабочих московской текстильной фабрики «Эмиль Циндель», имевших в деревне землю, только 13% уходили на полевые работы, зато 36% даже не смогли ответить на вопрос о размере своего надела, объясняя это тем, что, «бывая в деревне только на праздниках, а то по нескольким годам и совсем не бывая там, они не знают в точности, сколько имеется у них теперь наделной земли». При этом, однако, рабочие старались не порывать связь с

²⁵ Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. Воспоминания А.Ф. Голубевой. С. 28.

²⁶ Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению... С. 4.

²⁷ Козьминых-Ланин И.М. Фабрично-заводской рабочий Владимирской губернии (1897 г.). Владимир, 1912. С. 33.

²⁸ Ungern-Sternberg R., von. Über die wirtschaftliche und rechtliche Lage der St. Petersburgers Arbeiterschaft. Berlin, 1909. Tab. I-III.

землей – из 1335 вообще опрошенных рабочих 1213 (91%) имели землю, еще у 51 (4%) была в деревне хотя бы изба, и только 71 (5%) совершенно не имели связи с деревней²⁹.

Многих из находящихся на заработках городских работников привязывало к деревне наличие оставшихся дома, в деревне, родных, которым регулярно высылались из города деньги. Именно таким был характер отношений городских работников с деревней – источники согласно утверждают, что рабочий посылал деньги в деревню, не получая для себя ничего взамен. Прожить в деревне было настолько трудно, что все, что мог вложить в общее хозяйство городской работник, оставалось для деревенского потребления. Может, это удивительно, но в одних воспоминаниях говорится о том, что оставшиеся в деревне старики и дети даже с лошадью и коровой не могли прокормить себя, и тогда «родители помогали с фабрики: купят муки, крупы – своего хлеба нам не хватало»³⁰. В других воспоминаниях читаем: «Деревня поглощала все наши маленькие средства. То сарай у них [родителей] развалится, то двор обветшал, то налоги заплатить надо – вот старики и присылали нам письма, прося денег»³¹. В обратную сторону ни продукты, ни тем более деньги не шли – из 840 семей обследованных безработных в Москве в 1906 г. только в двух случаях была получена помощь из деревни³². По бюджетному обследованию бакинских нефтепромышленных рабочих 1909 г., правда, было зафиксировано в 59 случаях (из 2064 бюджетов) потребление домашних продуктов натурой, а в 23 случаях – и их продажа, но, во-первых, общая сумма потребления определена по отношению к общему доходу в 0,1% и 0,2% соответственно, а во-вторых, в основном эти продукты – домашнее вино, приходящее из дома рабочим армянам и грузинам, и можно говорить о региональной специфике, которой не было в Центральной России³³.

{184}

Но если у работника в деревне и не было родных, а была только изба, или просто надел земли, такой работник все равно старался поддерживать свою связь с общиной, не получая при этом ничего, а только посылая деньги на уплату выкупных платежей (за чужь землей они еще оставались – до их отмены в 1907 г.), различных податей, совершенно чуждых ему мирских платежей. Среди достаточно квалифицированных московских часовщиков – починочников – в 1914 г. 20% посылали деньги в деревню, и

²⁹ Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М., 1900. С. 19, 26, 39.

³⁰ Чаадаева О.Н. Работница на социалистической стройке. Сборник автобиографий. М., 1932. Воспоминания Евдокии Никадоровой. С. 97.

³¹ Крылова Л.Д. Записки ткачихи. М., 1932. С. 27.

³² Слуховский И. Муниципальные вопросы (Безработные в Москве) // Русская мысль. 1908. №10. Отдел II. С. 194.

³³ Стопани А.М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924. С. 16; расчет на основе таблиц на с. 16 и 42.

многие из посылающих деньги заявляли при этом, что никакой связи у них с деревней не сохранилось и посылаемые деньги идут только на покрытие налогов с земли³⁴.

Теоретически уехавший в город работник мог сдать свою землю в аренду, но и это, видимо, отнюдь не было распространенным явлением. Так, из 1173 московских безработных только у троих земля была сдана в аренду³⁵. Об этом достаточно подробно написано также в бюджетном обследовании 1908 г.: «В бюджетном приходе рабочих не было указано поступлений от числящейся за ними в деревне земли. Действительно, в том единственном случае, когда земля сдана не только за подати, а и плюс куль хлеба, последнего еще ни разу не удалось получить. Зато в другом случае сдающий ежегодно и аккуратно приплачивает к земле 3 рубля. Это уже – прямой убыток. В следующих случаях убыток от земли достигает более значительных сумм... Слесарь фабрики Паля выплачивает сейчас присланную 8 месяцев назад недоимку в 19 р. 76 к.: в счет нее фабричная контора взыскивает по 1,5 рубля в получку. Месяца три назад прислана вторая недоимка, в 31 р. 76 к. Оказывается, что в деревне расхитили хлебозапасный магазин, и рабочий, за которым числится 1 душа, на эту сумму должен ответить за совершенно постороннее для него событие»³⁶.

Таким образом, деревня практически никогда не была дополнительной (хотя бы и экстренной) статьей дохода городского жителя. Однако далеко не все работники решались совершенно порвать с землей. Дело в том, что при том почти полном отсутствии социального страхования на случай болезни и старости, какое имело место в дореволюционной России, каждому рабочему было ясно, что когда-то и он окажется «отбракованным», непригодным для работы в городе и тогда сможет вернуться только домой, в деревню, которая останется пусть плохим, но все же единственным местом, где, возможно, удастся хоть как-то прокормиться. Не обязательно даже, что такое поведение «городских крестьян» было осознано ими как стратегия поведения. Есть, например, и такое свидетельство: «Несмотря на бóльшую выгодность занятия промыслом, нежели полевыми работами, часовщик тем не менее во многих случаях и теперь еще прерывает работу в мастерской «по традиции», потому что так «исстари ведется»³⁷.

С другой стороны, и крестьянская община всеми силами стремилась удерживать работников от полного ухода в город, потому что само выживание оставшихся в деревне членов общины зависело от денег, которые присылали в деревню занятые

³⁴ Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии. Материалы к истории кустарной промышленности в России. М., 1914. С. 142.

³⁵ Слуховский И. Муниципальные вопросы (Безработные в Москве)... С. 193.

³⁶ Давидович М. Петербургский текстильный рабочий... С. 8.

³⁷ Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии... С. 139.

сторонними заработками. Рычаги воздействия были разными, но все базировались, в основном, на установленной государством паспортной системе³⁸.

{185}

Большинство семей, получивших общий паспорт и целиком уезжавших в город на заработки, совершенно порывали связи с землей³⁹. Интересно свидетельство рабочего завода Бромлея в Москве: у большинства рабочих завода семьи жили в деревне, и «все помыслы, устремления таких рабочих были не в Москве, а в деревне» – они жили артельно, а всю зарплату высылали семье. Но «была небольшая часть, быт которых резко отличался от подавляющей массы рабочих. Это были рабочие из слоя окончательно порвавших с деревней и жившие в Москве со своими семьями. Обыкновенно они снимали квартиры в некотором отдалении от заводов, где квартиры были и дешевле, и лучше. Сама семья занимала одну или две комнаты, остальные сдавали рабочим же или служащим»⁴⁰.

Структура доходов других категорий наемных работников

Теперь скажем несколько слов о других категориях наемных работников. Главное, что необходимо отметить – это что проблема рабочего времени была для множества наемных работников разного уровня состоятельности, возможно, еще более острой, чем для фабрично-заводских рабочих.

Так, говоря о домашней прислуге, все исследователи сходятся в том, что их положение было наиболее тяжелым, «приходилось работать днем и ночью», «ни минуты не приходилось жить самой на себя, а вечно, как крепостная рабыня, в полном распоряжении господ всю жизнь»⁴¹. Практически домашняя прислуга совершенно не располагала своим временем, не имела почти никакого имущества или свободных денег. А между тем в прислугах (горничных, поварах, няньках) служили сотни тысяч женщин во всех городах России.

Другой распространенный род занятий в городах – легковой и ломовой извозный промысел. Существует довольно интересное «журналистское расследование» жизни питерских извозчиков. Из него следует, например, что большинство из них не были самостоятельными, а нанимались к хозяину, содержавшему лошадей и экипажи, за

³⁸ *Burds J. Peasant Dreams & Market Politics...* P. 71-73; *Engel B.A. Between the Fields & the City. Women, Work & Family in Russia, 1861-1914.* Cambridge, 1994. P. 17-40.

³⁹ *Burds J. Peasant Dreams & Market Politics...* P. 39.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 96. Л. 38-39.

⁴¹ Как мы жили при царе... Воспоминания А.Ф.Голубевой. С. 29; *Куделли П.Ф. Работница в 1905 г. в Санкт-Петербурге.* Л., 1926. С. 43. Положение женской домашней прислуги (а прислуга и состояла в основном из женщин) достаточно подробно описано в: *Engel B.A. Between the Fields & the City...* P. 140-149.

жалование, спальное место и завтрак⁴². Но главное, что интересует нас в рамках тематики нашего исследования – это убеждение автора, что набрать полагающийся хозяину минимум извозчик может «только потому, что они ездят 16-17 часов в сутки и захватывают выручку дневную и ночную», причем извозчик «ездит все 365 дней и в праздники должен еще больше ездить, потому что должен больше привезти выручки»⁴³.

Множество наемных работников торговой сферы – приказчики в магазинах, работники в лавках, трактирах, постоянных дворах, наемные торговцы вразнос – также совершенно не располагали своим временем. Если продолжительность труда {186} промышленных рабочих была законодательно ограничена уже в 1897 г., то торговые служащие были долго лишены и этого, а вышедшие наконец «Правила» 15 ноября 1906 г., вопреки всем ожиданиям, ограничили их рабочий день 12 часами, а в трактирах, продуктовых, цветочных и ряде других магазинах – даже 15 часами в сутки, допуская притом еще и различные варианты продления этого времени⁴⁴. В итоге, согласно анкете, проведенной обществом официантов о быте работников 1520 заведений трактирного промысла (15 тыс. человек), их рабочий день составлял в среднем в 16 часов в сутки⁴⁵. По ответам 13 тыс. петербургских приказчиков в 1909 г., только 7% из них работали 11-12 часов, остальные же больше, причем 13,6% – 16 часов и более⁴⁶. Огромное количество сообщений в разных периодических изданиях несколько ранее свидетельствует о том, что рабочий день торговых служащих по всей стране составлял от 14 до 20 часов в сутки всего лишь при 2–4 полных выходных днях в год⁴⁷.

По обследованию наемных рабочих 110 мелких ремесленных заведений Москвы, для 56,8% из них трудовой день, считая и перерывы, продолжался, в нарушение действовавшего законодательства, 15 часов и более (для 22,7% – от 16 часов)⁴⁸. Обследование московских портных 1912 г. показало, что день наемных работников составляет обычно 13–14 часов; четверть из них работает дольше, «в периоды же

⁴² *Животов Н.* На извозчицких козлах // Язвы Петербурга. Сборник газетных фельетонов конца XIX – начала XX вв. Столичное дело глазами газетных репортеров рубежа веков. Л., 1990. С. 92.

⁴³ Там же. С. 97-98, 122.

⁴⁴ «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах». ПСЗ-III. Т. XXVI, отд. I. №28548.

⁴⁵ *Ленская Л.Н.* О прислуге. Доклад, читанный во втором Женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М., 1908. С. 16.

⁴⁶ *Гудван А.М.* Жизнь приказчика // Бодрое слово. 1909. №9-10 (май). Стлб. 121.

⁴⁷ *Колычев А.* Приказчики и их нужды. Ярославль, 1905. С. 16.

⁴⁸ *Лебедев В.И.* Условия труда и жизни рабочих в мелких промышленных заведениях // Русская мысль. 1905. №2. Отд. II. С. 153.

особенной спешки рабочее время достигает нередко 24 (!!!) часов»⁴⁹. Работницы в перчаточных мастерских работали обыкновенно 14 часов в сутки, а при спешке – до 17 часов⁵⁰. Подобных примеров можно привести еще много.

Далее, есть свидетельства, что почтальоны обыкновенно работали (с нерегулярными перерывами) с 6.30–8.00 утра до 10–11 часов вечера, причем практически без выходных⁵¹. Коночные кондукторы два дня подряд работали по 15–17 часов, имея третий день на отдых⁵². Низшим служащим на железных дорогах приходилось быть на службе по 16 и 18 часов в сутки, пока с 1 января 1907 г. не было введено новое положение, ограничивающее бессменную службу: на паровозах до 14 часов, поездных и станционных до 16 часов в сутки⁵³. Грузчики на Волге работали в среднем 14 часов, при спешке – 16–17 часов в сутки⁵⁴.

{187}

Даже о труде матросов Балтийского торгового флота говорится, что их служба вместе с перерывами на еду составляет 15,5–16 часов в сутки при дополнительных неизбежных авралах⁵⁵. Хотя матросы – совершенно особая категория наемных работников, о свободном времени которых невозможно было бы говорить, даже если бы их непосредственная вахта была непродолжительной, такое долгое время вахты показательно, потому что оно, очевидно, считалось вполне естественным для наемных работников вообще.

Таким образом, структура доходов самых различных наемных работников мало отличалась от таковой у фабрично-заводских рабочих и была основана на заработной плате (или других доходах, связанных с основным занятием), потому что ни на что другое ни у тех, ни у других просто не оставалось времени. Для некоторых избранных категорий работников, заметим, дополнительные доходы, связанные с основной работой, могли и превышать заработную плату. Особенно это касается тех, кто мог рассчитывать на чаевые – банщиков, официантов, швейцаров, даже дворников. Банщики, например, вообще не получали жалованья и даже порой были обязаны сами вносить условную плату хозяину, но получали доход с каждого посетителя, тем

⁴⁹ *Олюнина Е.А.* Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губерний. Материалы к истории домашней промышленности в России. М., 1914. С. 189–193.

⁵⁰ *Соколов И.* Сестрорецкие перчаточницы // Мир Божий. 1908. №8. Отдел II. С. 35.

⁵¹ *Водовозов В.* Наша почта и служащие на ней // Познание России. 1909. №3. С. 199; *М.* Из Уфы (положение почтальонов) // Новое слово. 1897. №9 (июнь). Отдел II. С. 147.

⁵² Положение коночных кондукторов в С.-Петербурге // Известия Московской Городской думы. 1904. №5 (март). С. 185.

⁵³ *Дмитриев В.* Быт служащих и рабочих на железных дорогах // Современный мир. 1912. №1. С. 293.

⁵⁴ *Скворцов Н.А.* Материалы по исследованию труда и быта грузчиков // Правда. 1904. №8. С. 134.

⁵⁵ Житье-бытье матроса. СПб., 1906. С. 3.

большой, чем больше услуг посетитель требовал и чем больше оставлял чаевых⁵⁶. Дворники также «получали чаевые за услуги жильцам: выколачивали ковры, завязывали и выносили вещи при отъезде жильцов на дачи, носили корзины с бельем на чердаки... Доход у них был также от поздравлений с Новым годом, с Пасхой; они знали, кто когда именинник, и обходили жильцов, проживающих по отведенной каждому лестнице»⁵⁷. Дворники (вместе с городовыми), обладая властью регулировать уличное движение, брали с извозчиков взятки за право стоять на улице и поджидать клиентов⁵⁸. Использование служебного положения на тех работах, где это было возможно, имело широкую распространенность, потому что было обусловлено безвыходностью ситуации. Один исследователь быта железнодорожников отмечал: «Многим известно, что «зайцы» у кондукторов – большое подспорье в их бюджете. Но спросите любого кондуктора, может ли он *честно* служить при окладе от 10 до 15 рублей в месяц, находясь сам постоянно в разъезде вне семьи. Не толкает ли его на известное ремесло само начальство, нанимая на нищенский оклад?»⁵⁹

Дополнительные заработки членов семьи главного работника

Итак, за неимением свободного времени у одинокого (а тем более у артельного) рабочего не было никакой возможности получить какой-либо дополнительный доход. Определенное свободное время появлялось только в домохозяйстве семейных.

В любом домохозяйстве малоимущих горожан – как фабричных рабочих, так и других наемных и самозанятых работников – обыкновенно максимально стремились использовать возможности подработки всех членов семьи. Как отмечено в серьезнейшем бюджетном обследовании рабочих, «недостаточность одного {188} заработка главы городской семьи, без напряжения всех *рабочих* сил этой семьи, представляется совершенно очевидной»⁶⁰.

У многих семейных фабричных рабочих жена также работала на той же или другой фабрике, особенно это относится к малооплачиваемым рабочим. Так, по данным В.В.Леонтьева, обработавшего обследование 13 петербургских текстильных фабрик за 1900-1902 гг., домашней работой занимались только 27% жен фабричных рабочих, живущих вместе с мужьями, большинство же их также работали на фабрике⁶¹. При этом семья в целом имела более приличный доход, но, как и в случае с одиноким

⁵⁶ Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции... С. 263, 516-517.

⁵⁷ Засов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х гг. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 51.

⁵⁸ Животов Н. На извозчицких козлах... С. 104.

⁵⁹ Дмитриев В. Быт служащих и рабочих на железных дорогах... С. 284.

⁶⁰ Стопани А.М. Нефтепромышленный рабочий... С. 14.

⁶¹ Leontief W. Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg, die Geschichte der Industrie und die Fabrikgesetzgebung. München, 1906. S. 67.

рабочим, не имела времени и возможностей для посторонней подработки. Напротив, им приходилось, например, платить кому-нибудь за присмотр малолетних детей, жертвовать приличным горячим питанием и т.п. Заработок женщины был обыкновенно меньшим не только вследствие меньших расценок за одинаковую с мужчинами работу, часто низшей квалификации по сравнению с мужчинами, но также и потому, что именно матери обычно прогуливали работу ради ухода за детьми, не получая, конечно, никаких «больничных» и т.п.⁶² Вообще, если в семье было много (больше двух) маленьких детей, мать обычно не имела возможности уходить работать на фабрику⁶³.

Структура расходов семей «с матерью дома», специально выделенных в обследованиях М.Давидовича, является принципиально иной. Расходная часть бюджета не является предметом данной работы, но вкратце можно сказать, что семьи «с матерью дома» как раз имели все то, от чего отказывались по недостатку времени семьи «с матерью на фабрике» – лучшее питание, сокращение расходов на покупку товаров, присмотр за детьми. Правда, семья «с матерью дома» могла существовать только когда у отца «заработок значительно выше общего уровня»⁶⁴. Зато такая семья имела и дополнительные возможности дохода. Женщины подрабатывали поденными работами, стиркой, шитьем, вязанием, плетением кружев⁶⁵.

Детей в рабочих семьях посылали работать рано. С 9-11, а иногда и с 7 лет дети приступали к наемному труду в деревне и в городе, девочки – прислугой без ограничения времени, няньками, мальчики – учениками в лавки, ремесленные мастерские. Как правило, это была работа только за питание и крышу над головой, редко детям платили самое маленькое жалованье. Собственно, в этом возрасте от ребенка было достаточно, чтобы он сам обеспечивал себя, и он на несколько лет поступал в полное распоряжение хозяев. В старшем возрасте – 14-15 лет – мальчиков отдавали на какую-нибудь фабрику в ученики (или оставляли в лавке {189} учиться на приказчика); девочек также отдавали в ученицы – к портным, на кондитерские, ткацкие или прядильные фабрики⁶⁶. Бывало, что родители платили взятку священнику за

⁶² Давидович М. Хозяйственное значение женщины в рабочей семье // Познание России. 1909. №3. С. 120.

⁶³ Покровская М.И. Моя думская практика (Очерк из быта рабочего населения в Петербурге) // Мир Божий. 1898. №3. Отдел II. С. 24.

⁶⁴ Давидович М. Петербургский текстильный рабочий... С. 5.

⁶⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С. 67; Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии... С. 75; Корнилов Г.Е. Рабочая семья на Урале в конце XIX – начале XX в.: труд, быт, воспитание детей // Трудовой коллектив и семья: реализация активной социальной политики. Екатеринбург, 1992. С. 99.

⁶⁶ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928. С. 126.

увеличение на год-два возраста в метрике подростка, потому что малолетних на фабрики не брали⁶⁷.

Характерны такие воспоминания: «Когда окончила школу, я поступила работать в дом туда же, где отец был поваром. Там я была и уборщицей, и пуговицы пришивала, и все за одни харчи, жалованья мне не платили. Лет 14-ти я поступила на фабрику ткачихой»⁶⁸; «С 10 лет пошла батрачить – полола, выбирала картошку, зимой вязала кружева, вышивала; с 14 лет пошла на фабрику»⁶⁹.

Если старшие дети не уходили работать в другие семьи, к хозяевам, то обязательно работали в домашнем или подсобном хозяйстве, нянчили младших детей⁷⁰.

Кроме того, распространенной статьей дохода многих городских хозяйств была сдача жильцам комнат, углов, коек, либо в собственном доме, либо в снятой целиком (как бы оптом) квартире. Обыкновенно жильцы платили хозяевам также и за разные услуги – приготовление пищи, стирку, уборку и т.п.

Характерной особенностью именно российской дореволюционной урбанизации было то, что ни городские власти, ни состоятельные домовладельцы практически не занимались созданием квартир для беднейшего населения. По московскому обследованию 1899 г., из 12500 коечно-каморочных квартир, в которых жильцам сдавалось пространство, 77% были сами сняты рабочими, мелкими ремесленниками и торговцами, низшими железнодорожными служащими и т.д.⁷¹ Потребность же в таких квартирах была чрезвычайно велика, поэтому жильцов всегда можно было найти. То, что хозяева пускали жильцов, зачастую было мерой вынужденной, потому что сами они не могли полностью оплатить квартиру и отопление, и доход с жильцов не всегда был прибылью⁷², но все же это был доход.

Типично, например, следующее воспоминание (о Москве): «Жили мы случайными заработками. Старуха ходила стирать, полы мыть... Домик наш был двухэтажный, снимали три комнаты, но сами жили только в маленькой комнате, две оставшиеся комнаты сдавали, а когда нам плохо было, мы и свою комнатку сдавали, а сами переселялись в кухню. Можно сказать, что и весь-то наш заработок был что от квартиры. На жильцов готовили, убирали, за это нам отдельно платили... Жильцами

⁶⁷ Как мы жили при царе... С. 2, 70.

⁶⁸ Чаадаева О.Н. Работница на социалистической стройке... Воспоминания Клавдии Уколовой. С. 60.

⁶⁹ Как мы жили при царе... Воспоминания А.С.Батовой. С. 2.

⁷⁰ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения... С. 67.

⁷¹ Вернер И. Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской городской думы. 1902. №19 (октябрь). С. 3.

⁷² Там же. См., например, также: Поплавский И. Борьба с жилищной нуждой в Киеве // Известия Московской городской думы. 1908. №12. Отдел общий. С.39; Покровская М.И. Петербургские рабочие и их экономическое положение. Заметки и наблюдения врача // Вестник Европы. 1899. №3. С. 333-334.

были рабочие»⁷³. Совсем бедных жильцов в комнаты могло набиваться очень много: «20-25 человек снимали у местного кулака комнату и там селились. {190} Теснота была такая, что трудно представить. Спали на полу вповалку мужчины и женщины. Обед хозяйка варила на всех жильцов»⁷⁴. О московских часовщиках 1914 г. говорится то же самое: «Даже снимая квартиру, часовщик большей частью занимает ее не всецело, а сдает почти всю по комнатам квартирантам... Нередко такой владелец квартиры сам уютится в каком-нибудь углу с целой семьей. Из 18 съемщиков 12 сдают комнаты, в среднем получая до 15 рублей в месяц. Все квартирнаниматели, кроме одного, семейные»⁷⁵. Е.М.Дементьев также отмечал характерность этого заработка для семейных рабочих⁷⁶.

Сдавать комнаты жильцам могли лишь те, кто располагали, во-первых, свободным временем, чтобы возиться с этим, и, во-вторых, либо собственной квартирой, либо некоторым свободным капиталом, чтобы снимать квартиру. Комнаты сдавали почти все, у кого в семье были свободные руки. Из почти 5 тысяч обследованных в 1907 г. типографских рабочих лишь пятая часть имели возможность нанимать целую квартиру, и лишь 1/20 не брали к себе квартирантов⁷⁷. Это число пересдающих углы в снятой квартире, в общем, примерно и соответствует числу всех домохозяйств «с матерью дома».

Но даже и с учетом сдачи жилплощади возможности фабрично-заводских рабочих и наемных работников в целом были крайне ограниченными – у петербургских рабочих по бюджетному обследованию С.Н.Прокоповича «побочные» доходы составляли без учета сдачи жилплощади 0,4% для одиноких рабочих и 0,8% – для семейных; но и с учетом же сдающих комнаты (53 семьи из 307) это составило всего 3,4% доходов⁷⁸. В бюджетном обследовании М.Давидовича у одиноких рабочих внефабричные доходы оказались совсем равны нулю, а у семейных составили 3,04% всего дохода, причем без прибыли от жильцов это также лишь 0,8% общего дохода. Как и говорилось, здесь велика разница, происходящая от наличия свободных рук в домохозяйстве – у семей «с матерью дома» побочные доходы составляли 7,63% общего дохода (из 11 семей 8 пересдавали комнаты), а у семей «с матерью на фабрике» – лишь 0,38% (из 13 семей

⁷³ Чаадаева О.Н. Работница на социалистической стройке... Воспоминания Анны Балашовой. С. 103-104.

⁷⁴ Как мы жили при царе... Воспоминания А.С.Батовой. С. 2-3.

⁷⁵ Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии... С. 112-113.

⁷⁶ Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению... С. 173.

⁷⁷ Свавицкий Н., Шер В. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве (по данным анкеты, произведенной О-вом рабочих графических искусств в 1907 году). СПб., 1909. С. 34.

⁷⁸ Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих (по данным анкеты, произведенной 12-м (содействия труду) отделом ИРТО) // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000. С. 20.

сдавала комнаты только одна)⁷⁹. Вообще в этом обследовании «отец семьи единственный раз выступает в побочных заработках, именно в «краже дров из казенного леса»⁸⁰. Наконец, в бюджетном обследовании бакинских рабочих, проведенном А.М.Стопани, у одиноких внефабричные доходы оказались равны 1,12% дохода, а у семейных составили 3,43% всего дохода, причем основная часть доходов в этой категории – это заработки других членов семьи, имеющих постоянную работу, затем – доходы от жильцов⁸¹.

{191}

Структура доходов «самозанятых»

Специальный интерес представляют собой домохозяйства «самозанятых» работников, таких, как собственники мелких ремесленно-кустарных мастерских, ремесленники-одиночки или поденщики со стабильным местом на рынке занятости (прачки, приходящая прислуга, водовозы и т.д.). Принципиально важная особенность поведения таких работников – непостоянная занятость по «основному» занятию, систематическое наличие свободного времени и иногда некоторого капитала и, соответственно, возможность совмещения нескольких видов экономической деятельности и самостоятельного принятия решений насчет приоритетности в каждый конкретный момент того или иного занятия.

Экономическое поведение таких людей было различным, исходя из различных финансовых возможностей, наличия собственности и условий работы. Многие хозяева небольших мастерских и кустари-одиночки брали работу на дом или даже устраивали в собственном доме мастерскую, где принимали заказчиков, работали и жили⁸². Для них не существовало разницы между ведением домашнего хозяйства и работой в мастерской, вернее, граница между этими видами деятельности была совершенно размытой, и ремесло воспринималось ими как часть домашнего хозяйства. Большинство таких ремесленников, конечно, старались содержать подсобное хозяйство, если для того была возможность. Тогда если заказов по ремеслу было мало, то собственный огород, корова и разная живность могли достаточно долго кормить хозяина.

Естественно, что и здесь все члены домохозяйства были вовлечены во все виды деятельности хозяина. Дети с малолетства помогали отцу в мастерской или – если надо – были на посылках, рекламировали и продавали товар и т.д., жена могла тоже участвовать в каких-то работах, не требовавших высокой квалификации и большой

⁷⁹ Давидович М. Петербургский текстильный рабочий... С. 5.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Стопани А.М. Нефтепромышленный рабочий... С. 42.

⁸² Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения... С. 69; Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии... С. 75.

силы. По воспоминаниям женщины из семьи калужского сапожника, «отцу помогали в работе все домашние. Мать вместе с отцом скупала старую обувь, которую чинили для продажи, и ходила на базар продавать ее. Дети, в том числе и девочки, приготавливали вар, смолили дратву, подавали гвозди, чистили обувь»⁸³. Разумеется, все члены семьи работали и в подсобном хозяйстве. Кроме того, более состоятельные домохозяйства мелких ремесленников включали, помимо членов семей, подростков-учеников и наемных работников. В большинстве случаев, в таких хозяйствах и в начале XX в., как и задолго до того, ученик рассматривался как дополнительный член семьи, дополнительный работник, перед которым хозяин не нес практически никакой ответственности за обучение и который обучался, в общем, сам, несколько лет находясь в доме хозяина и ведя такой же образ жизни, как все члены семьи мастера. Соответственно, ученику могли дать работу по подготовке материала, но могли и послать работать в огород или в лавку за продуктами. При таком подходе домашняя работа доставалась ученикам чаще, как наименее квалифицированным в ремесле. Даже в железнодорожных ремонтных мастерских ученик (по воспоминаниям железнодорожника) в первый год находился «на посылках: заварить чай, сбегать за покупками, убрать помещение и т.д. На второй год стали допускать к верстаку, потом начали понемногу давать работу»⁸⁴.

{192}

Предложение труда в области самых разных ремесел существенно превышало спрос, к тому же в ряде отраслей ремесленники-кустари испытывали все большее давление со стороны развивающейся фабричной промышленности. Поэтому основная работа самозанятых, как правило, не давала достаточного заработка. Так, из восьми имевшихся в Москве перед войной хозяев мастерской по починке часов «лишь один заявил, что дохода от его предприятия вполне хватает на прокормление». Часовщики сплошь и рядом жаловались, что «ремесло уже не кормит» и что приходится подрабатывать другим членам семьи⁸⁵. Значение сторонних заработков было, очевидно, большим. Многие, как о том уже говорилось, сдавали комнаты жильцам. «Самозанятые» и сами могли уделить больше времени домашней работе, и чаще были совершенно оторваны от деревни и жили в собственном доме с семьей, так что они в целом чаще наемных работников имели возможность сдавать комнаты внаем.

Подсобное хозяйство было вообще доступно только тем, кто имел в городе собственный дом и пространство вокруг него. Подавляющее большинство наемных работников были пришедшими из деревни, а вот «самозанятые» чаще были исконно городскими жителями, но и для них число подсобных хозяйств не стоит

⁸³ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения... С. 70.

⁸⁴ Там же. С. 64.

преувеличивать. Во-первых, даже среди «самозанятых» далеко не все располагали необходимым для ведения подсобного хозяйства свободным временем. Думается, не будет слишком большой натяжкой использование в этой области данных бюджетного обследования рабочих, проведенного в Москве в 1924 г. Там приводится пример домохозяйства литейщика К. Семья поддерживала «очень небольшое» подсобное хозяйство, в том числе у них была корова, что, как сказано в обследовании, «является серьезной поддержкой в их хозяйстве, много улучшая их питание и процентов на тридцать повышая денежные обороты семьи». Было зарегистрировано, что рабочий, глава семейства, тратил на уход за домашней скотиной 3 часа ежедневно, его жена – 4 часа ежедневно. В семье были еще двое детей, которые также, очевидно, уделяли сколько-то времени этой работе⁸⁶. Таким образом, на работу в своем подсобном хозяйстве нужно было ежедневно затрачивать значительно больше половины рабочего дня взрослого человека, так что, пожалуй, корову могли держать исключительно домохозяйства, в которых один из взрослых не был занят какой бы то ни было регулярной работой.

Во-вторых, далеко не все «самозанятые» имели место для огорода или содержания коровы. В конце XIX и начале XX вв. крупные города все больше становились центрами промышленности и торговли, количество свободной незастроенной земли, ранее пригодной под огороды или выпасы, сокращалось, и в целом «сельские» виды деятельности вытеснялись в пригороды. Уже в 1880-х гг. на девятисоттысячный город Петербург (в самом городе и окрестностях) насчитывалось лишь 6 тыс. коров, причем лишь 1,5 тысячи горожан имели по одной корове – для личного потребления, прочие владельцы содержали по несколько коров – для рыночной продажи молока⁸⁷. В Калуге лишь немногие держали корову, «как, например, железнодорожники, которым разрешалось пользоваться сенокосами на территории полосы отчуждения»⁸⁸.

{193}

Однако для мелких городов, как и для более раннего времени, тесная связь «самозанятых» с сельскохозяйственной работой несомненна: «Ремесленник живет хорошо обставленным хозяйством и имеет несколько источников дохода: он имеет скот и летом сам с своими работниками запасает сено, он имеет пчел, или сеет табак, он имеет морды и сети и в бездельное время ловит и продает рыбу. Таким образом, в случае скудости одного источника дохода, он дополняет другими»⁸⁹. Мелкие города и в начале XX в. оставались большими деревнями. Так, в уездном городе Любиме

⁸⁵ Курская А.С. Производство часов в Москве и Московской губернии... С. 75.

⁸⁶ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта... С. 36.

⁸⁷ Бахтияров А. Пригородные чухны // Язвы Петербурга... С. 36.

⁸⁸ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения... С. 67.

⁸⁹ Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России // Берви-Флеровский В.В. Избранные экономические произведения в 2-х тт. Т. 1. М., 1958. С. 98.

Ярославской губернии и в 1911 г. 86 из 871 «самодельных» работников (9,9%) основным занятием показали хлебопашество, и это – одно из самых распространенных занятий горожан – после 1) государственной и общественной службы, 2) работы в качестве домашней прислуги и 3) торговой деятельности⁹⁰.

Случайные городские заработки

Наконец, в городе можно было найти множество случайных работ. Например, в портах вокруг разгружаемых барж ходили разного рода «пираты» – от «пикальщиков», вылавливавших плавшие доски и вытаскивавших со дна упавшие при разгрузке кирпичи, до «скободеров», тайком вырывавших из барж скобы, петли и гвозди⁹¹. Летом в качестве случайного дохода ловили и продавали рыбу, зимой нарезали лед, подрабатывали на праздниках и свадьбах, мелком ремонте и т.п.⁹² Обследование московских безработных 1906 г. показывает среди случайных работ такие, как чистку снега, случайную работу грузчиком, извозчиком, переписчиком, «при партии народной свободы» перед выборами в Думу, однако, скажем, на 840 семей во время безработицы, иногда довольно продолжительной (почти в половине случаев – более полугода), пришлось всего 140 случаев случайного заработка⁹³.

Как показывают материалы обследования быта ночлежников Хитрова рынка в Москве, для многих из которых поденные работы были основным средством к существованию, спрос на поденщиков и цены на рабочие руки изменялись в зависимости от сезона. Весной, когда сходил снег, поденщики работали по очистке мостовых и дворов. Затем, к Пасхе, для них наступал «глухой сезон», и многие голодали. С мая начинались строительные работы, поденщики требовались во множестве, и расценки были высокими, но с середины августа, с уменьшением светового дня, расценки сокращались, а с морозами прекращался и собственно строительный сезон. Вновь голодное время длилось до выпадения снега, когда начинался сезон очистки улиц, и чем больше было в году метелей, тем лучше жилось поденщикам.

Наконец, обследование подразделяет случайные работы на следующие основные категории: 1) строительные работы: чистка кирпича и подноска его каменщикам, {194} уборка дворов, засыпка чердаков и т.п.; 2) земляные работы: рытье канав, погребов, колодцев и т.п.; 3) очистка улиц, площадей, станций железных дорог и т.п.; 4) бетонные

⁹⁰ Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 97. Население г. Любима Ярославской губернии. Ярославль, 1913. С. 6-7.

⁹¹ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х гг... С. 16.

⁹² Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х гг... С. 9; Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения... С. 78.

⁹³ Слуховский И. Муниципальные вопросы (Безработные в Москве)... С. 194.

и асфальтовые работы; 5) работы на барках, выламывание льда и др. – все тяжелые и грязные, «черные» работы⁹⁴. Предложение рабочих рук во всех этих сферах было чрезмерным, и даже в сезон работа у поденщиков с Хитровки бывала 2-3 раза в неделю⁹⁵.

Случайные работы, собственно, были уделом беднейшего населения, и хотя различные случайные заработки – это тоже способы получения денег, вероятно, их не стоит включать в стратегии дохода, потому что всякая такая работа имеет элемент нестабильности, который катастрофичен для бедных, не имеющих запасного капитала. Исследователи указывали, что жизнь на случайной поденной работе «затягивает», что, единожды попав в эти условия вследствие каких-то трудностей, сложно вернуться к нормальному труду. «Если работа есть только в данный момент, если она к тому же и оплачивается плохо, если нельзя рассчитывать достать эту работу завтра и послезавтра, словом, если является неуверенность в завтрашней зарплате, то мысль поневоле направляется не столько к данному труду, сколько к изобретению способов, как бы завтра раздобыть на хлеб... В часы досуга, когда нет работы, приходит в голову мысль о том, как бы удалиться с Хитровки, но эта мысль сейчас же поглощается другой: где взять паспорт, костюм... Махнет человек рукой, с горя выпьет, напьется, да так и останется на Хитровке»⁹⁶. Статистика также показала, как вследствие поденщины терялась старая профессия: из 3721 опрошенного на Хитровом рынке в 1896 г. до появления на Хитровке были заняты поденными черными работами 22,9%, в момент опроса же – 49,3%⁹⁷.

* * *

Подведем некоторые итоги. Как было показано, большинству наемных работников в дореволюционных городах России условия их труда не оставляли другой возможности, кроме получения дохода лишь на основном месте работы, а самозанятые (среди которых меньше процент пришлого населения и больше обладающих какой-либо собственностью) – самозанятые, напротив, располагали собственным временем и в случае временного кризиса в своей основной специальности старались восполнить прорехи бюджета работой в подсобном хозяйстве, доходами от сдачи комнат жильцам и т.п.

⁹⁴ Гор-ев. К характеристике экономических и бытовых условий жизни безработных («Standart of life» на Хитровом рынке в Москве) // Мир Божий. 1899. №11. Отдел I. С. 37-38.

⁹⁵ Там же, с. 36; Курнин С. Безработные на Хитровом рынке в Москве // Русское богатство. 1898. №2. Отд. I. С. 172.

⁹⁶ Гор-ев. К характеристике экономических и бытовых условий жизни безработных... // Мир Божий. 1899. №10. Отдел I. С. 129.

⁹⁷ Курнин С. Безработные на Хитровом рынке... С. 171.

Огромное количество городской бедноты жили одиночками или оторванно от своей семьи (остававшейся, чаще всего, в деревне), но если с ними жили и члены их семей, то их рабочие руки использовались максимально интенсивно. Как правило, жена работника также находила себе работу на полный рабочий день, а если оставалась дома, то чаще старалась следовать стратегиям мелких собственников, «самозанятых». Пришедшим из деревни работникам было проще сдавать комнаты {195} жильцам (и это практиковалось), а подсобное хозяйство им, собственно, вести было негде.

Связь с деревней поддерживалась очень многими работниками-иммигрантами, потому что, во-первых, у большинства в деревне оставались родные (родители, дети, жена), во-вторых, общественно-государственная система достаточно жестко поддерживала связь крестьянина с землей, и, в-третьих, потому что деревня для многих была единственным «пунктом социального страхования», единственным местом, где работник мог надеяться на спасение в случае старости или инвалидности.

Занятие работника, его семейное положение и наличие собственности в городе или деревне (включая степень связи с землей) все вместе являлись одинаково важными факторами, определявшими стратегии поведения городских работников в окружающем их обществе крестьян-пролетариев, частью которого были они сами.

Приложение

Численность занятых различными видами работ по переписи населения С.-Петербурга 15 декабря 1900 г.

Занятия	Всего	Процент ко всему населению
Рабочие фабрик и заводов	227 855	27,3
Личная прислуга	105 390	12,6
Служащие в торговле и трактирах	68 478	8,2
Одиночки в промышленности и торговле	62 717	7,5
Военные (нижние чины)	40 088	4,8
Работники, связанные с перевозом	39 020	4,7
Хозяева в промышленности, торговле, перевозе, трактирной и гостиничной отрасли	36 248	4,4
Строительные рабочие	30 044	3,6
Администрация фабрик, заводов и разных учреждений	25 535	3,1
Домовая прислуга	23 451	2,8
Администрация, суд и полиция (чиновники)	18 607	2,2
Живущие доходом с капитала	14 617	1,8
Прислуга в учреждениях	14 241	1,7
Живущие пенсией	14 181	1,7
Представители разных свободных профессий	13 441	1,6
Занятые учебно-воспитательной деятельностью	9 904	1,2
Занятые врачебной деятельностью	7 475	0,9

Занимающиеся сельским хозяйством	4 961	0,6
{196}		
Военные (офицеры)	4 605	0,55
Духовенство и церковнослужители	4 406	0,5
Остальные, считающиеся самостоятельными (заключенные, воспитанники закрытых учебных заведений, больные в больницах и др.)	68 366	8,2
Несамостоятельные	414 492	49,7
<i>При этом детей до 16 лет</i>	<i>290 772</i>	<i>34,9</i>
ВСЕГО	1 248 122	100,0

Источник: Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. СПб., 1905.

С. 17, 31-32, 36.